

УДК 340.11

doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-11

Взаимная обусловленность проявлений юридической анонии в различных компонентах правовой системы

Д. А. Липинский¹, А. А. Иванов²

^{1,2}Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия

¹dmitri8@yandex.ru, ²ale_iv@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Актуальной задачей для современной российской юриспруденции является обнаружение взаимосвязей, существующих между недостатками законодательства, деформациями правосознания и правоприменения. Рассматриваются особенности проявления юридической анонии в различных компонентах правовой системы, постулируется тесная взаимосвязь между системой права и правовой культурой общества, их взаимное влияние и циклический характер развития. Цель исследования – анализ проблем усиления юридической анонии в результате взаимодействия компонентов правовой системы, уже затронутых соответствующим состоянием. *Материалы и методы.* Исследование основано на применении таких методов, как диалектический, формально-юридический, структурно-правовой, функциональный и др. *Результаты.* Исследование позволило прийти к выводу, что состояние юридической анонии не развивается обособленно в том или ином компоненте правовой системы, а охватывает ее в целом. *Выводы.* Закрепление соответствующих ценностей в законодательстве, а также эффективная деятельность органов публичной власти рассматривается в качестве факторов, способных сдерживать развитие состояния юридической анонии. Исследование особенностей проявления юридической анонии в различных компонентах правовой системы обогащает теорию государства и права и отраслевые юридические науки, выступает необходимым условием повышения отечественной правовой культуры, является одним из условий повышения эффективности функционирования государственного аппарата Российской Федерации.

Ключевые слова: правовая культура, правовая система, правосознание, правотворчество, правоприменение, система права, юридическая анония

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00176, <https://rscf.ru/project/23-28-00176>

Для цитирования: Липинский Д. А., Иванов А. А. Взаимная обусловленность проявлений юридической анонии в различных компонентах правовой системы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2025. № 1. С. 136–152. doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-11

Mutual determinacy of manifestations of legal anomie in various components of the legal system

D.A. Lipinskiy¹, A.A. Ivanov²

^{1,2}Togliatti State University, Togliatti, Russia

¹dmitri8@yandex.ru, ²ale_iv@mail.ru

Abstract. *Background.* A pressing task for modern Russian jurisprudence is to identify the relationships that exist between the shortcomings of legislation, deformations of legal consciousness and law enforcement. The article examines the peculiarities of legal anomie manifestation in various components of the legal system, postulates a close relationship between the legal system and the legal culture of society, their mutual influence and the cyclical nature of development. The purpose of the study is to analyze the problems of strengthening legal anomie as a result of the interaction of the components of the legal system already affected by the corresponding state. *Materials and methods.* The study is based on the use of such methods as dialectical, formal-legal, structural-legal; functional, etc. *Results.* The study allowed us to come to the conclusion that the state of legal anomie does not develop separately in one or another component of the legal system, but covers it as a whole. *Conclusions.* The consolidation of relevant values in legislation, as well as the effective activities of public authorities are considered as factors capable of restraining the development of the state of legal anomie. The study of the features of the manifestation of legal anomie in various components of the legal system enriches the theory of state and law and sectoral legal sciences, is a necessary condition for improving the domestic legal culture, and is one of the conditions for increasing the efficiency of the functioning of the state apparatus of the Russian Federation.

Keywords: legal culture, legal system, legal awareness, lawmaking, law enforcement, legal system, legal anomie

Financing: the research was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00176, <https://rscf.ru/project/23-28-00176>

For citation: Lipinskiy D.A., Ivanov A.A. Mutual determinacy of manifestations of legal anomie in various components of the legal system. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences.* 2025;(1):136–152. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2025-1-11

Введение

В последние годы, являясь достаточно новым для отечественной юриспруденции, понятие юридической аномии стало приковывать к себе внимание среди теоретиков права, что обусловлено рядом причин. Во-первых, юридическая аномия позволяет более точно и глубоко объяснить наблюдающиеся в праве явления и соответствующую направленность проистекающих в различных компонентах правовой системы процессов. Во-вторых, она не может быть полностью отождествлена и с иными юридическими категориями, такими, например, как правовой нигилизм, правонарушаемость или безответственность. Ключевой характеристикой аномии является связь этого явления с социально-политическим кризисом, в рамках которого предше-

ствующая система юридических норм и институтов уже утратила свое значение.

Выходит аномия и за сферу собственно юридического, затрагивая аспекты экономики и политики, морали и нравственности, проникая на уровень международных отношений. Именно в состоянии социальных отношений и процессов находятся истоки этого явления. Юридическое и неюридическое здесь находятся в непрерывном взаимодействии, взаимопроникновении и взаимоусилении.

В отличие от отдельных аномичных проявлений, юридическая аномия как самостоятельный фактор, влияющий на развитие государства и общества, являет собой совокупность включаемых в содержание этого явления разнообразных проявлений. Большое количество аномичных проявлений, наблюдаемых в процессе государственного управления жизнью общества, не являются обособленными, они непрерывно взаимодействуют и усиливают друг друга.

Зародившись в качестве категории социологии, аномия требует отталкиваться от социологического понимания права при анализе юридических аспектов проявления соответствующего состояния общественных отношений, поскольку нормативистский подход представляется здесь чрезмерно узким.

М. С. Бороздина называет четыре измерения юридической аномии, хотя, на наш взгляд, их более правильно было бы назвать «проявлениями». Можно согласиться с указанным автором о наличии у юридической аномии следующих параметров:

- нормативно-правового, проявляющегося в содержании, направленности и социальной оправданности соответствующих актов;
- организационно-институционального (который, возможно, более правильно было бы назвать функциональным), проявляющегося в эффективности деятельности государственных структур;
- правового культурного, заключающегося в соответствующих недостатках индивидуального, группового и массового правосознания.

Однако выделение М. С. Бороздиной информационно-правового измерения юридической аномии, связанного со способами информирования граждан о содержании действующего правового регулирования, вызывает определенные сомнения в своей целесообразности [1, с. 7–10]. Представляется логичным, что сами способы правового информирования в большей степени будут зависеть не от искажений правовой культуры соответствующего общества, а от имеющихся у него материальных и технических возможностей, прямую связь с состоянием юридической аномии усмотреть здесь достаточно сложно.

Соответствующие проявления юридической аномии совпадают с выделяемыми в науке компонентами правовой системы, затрагивая весь их перечень без исключения. В качестве основных компонентов здесь могут быть указаны сама нормативная основа жизни общества, формирующаяся на ее

основе правосознание, а также процессы правореализации, обеспечивающие претворение в жизнь соответствующих правовых норм.

Правовая система может рассматриваться в качестве относительно устойчивого образования, одной из внутренних функций которого является обеспечение целостности и комплексности, взаимосвязи между соответствующими структурными элементами. Состояние каждого из ее компонентов (или подсистем) важно не только само по себе, но и исходя из того влияния, которое оно оказывает на общую эффективность функционирования правовой системы в целом.

Исходя из соответствующей посылки, юридическая anomia может рассматриваться не только через дефектность отдельных компонентов правовой системы (принятие не отвечающих потребностям общества нормативных актов, дефектов правосознания или ошибок в плане правореализации), но и как нарушение связей, существующих между отдельными компонентами правовой системы, рассогласование их взаимодействия.

Как пишет А. В. Поляков, «ни правовые тексты, ни правовые ценности, ни субъективное правосознание, ни индивидуальные правопритязания не образуют право в качестве разрозненных элементов. То, что их объединяет, это правовая коммуникация, возникающая как intersubъективная реальность, связующим звеном которой являются взаимодействующие субъекты» [2, с. 18].

Новая правовая система в условиях социального кризиса и порожаемой им юридической anomии либо еще не создана, либо сформировалась только формально, не воспринимается в качестве действенного регулятора отношений в общественном правосознании. На этом этапе исторического развития право не способно эффективно выполнять функции социального регулятора. Реализация таких важных для общества функций права, как регулятивная и охранительная, интегративная и коммуникативная, или в принципе отсутствует, или же подменяется функционированием иных социальных институтов, в том числе не всегда желательных с точки зрения интересов законности. Соответствующие процессы подмены правовых норм и государственных институтов элементами криминальной субкультуры демонстрировала повседневная российская действительность в 1990-е гг. Специфический характер, который в данный период имели процессы правообразования и правоприменения, отразились на общем состоянии правовой системы России, ощущаются эти последствия и в настоящее время.

Правовую систему невозможно представить вне понятия права и его источников, но единство мнений в отношении этого вопроса среди правоведов отсутствует. На практике часто проводят границу между понятиями права и закона, а сами законы, как и судебная система, подвергаются критике. Не всегда законы и деятельность суда соответствуют и требованиям практики. Неопределенность наблюдается в отношении того, какой тип политической и правовой культуры пытаются создать в России с помощью права. Опасность и системную проблему для состояния правовой культуры пред-

ставляют также нереализованные, но провозглашенные Конституцией Российской Федерации положения.

Как полагает М. И. Клеандров, наше понимание правовой системы с необходимостью предполагает также и понимание особенностей эволюции и структуры соответствующего понятийного аппарата, источников права, правовой идеологии, правовой ментальности, а также институциональной ее части, имея в виду в том числе основные ветви государственной власти, в частности суд, судебную практику. В настоящее время по большинству указанных классификационных признаков отсутствует определенность и нет стабильности. Правовая культура, идеология и юридическая практика с необходимостью также включаются в содержание правовой системы, поскольку они способны оказывать регулирующее воздействие на общественные отношения с целью их упорядочивания. Ситуация с соответствующим пониманием осложняется тем, что тот же суд может рассматриваться не только в качестве государственного органа, но и, например, в качестве института гражданского общества, он участвует в реализации как функции правосудия, так и функции правообразования. Важное значение имеет функция суда по формированию правовой культуры российского общества. Границы отдельных компонентов правовой системы, таким образом, не всегда носят четкий характер, что затрудняет их изучение [3, с. 6].

Компонент определяется в литературе как одна из составных частей чего-либо [4, с. 441], он может быть представлен в качестве неотъемлемой части чего-то большего. Если элемент рассматривается как что-то простейшее и больше не делящееся, то компонент, являясь частью целого, сам может иметь сложный характер и выступать в качестве подсистемы элементов. С другой стороны, говоря об элементах чего-либо, мы предполагаем нахождение их в неразрывной взаимосвязи с иными составляющими, например, речь может идти о частях какой-либо конструкции или устройства.

Соответствующий эпистемологический дискурс, касающийся природы, функций и структуры наших знаний о праве, развивается в контексте философско-правовых и социологических исследований социально-правовой реальности. Он способен выполнять инструментальную функцию, вооружая общественное правосознание средствами его самоанализа [5, с. 1074]. Несмотря на принципиальный характер данного вопроса, в юриспруденции отсутствует согласие относительно точного перечня компонентов правовой системы, как нет единства и относительно ограничения этого явления от иных проявлений социальной действительности. Рядом исследователей, в частности, отождествляются понятия «правовая система» и «система права», тогда как в работах иных ученых правовая система рассматривается в качестве значительно более широкой категории, включающей систему права в виде своей составной части (подсистемы), выступающей в качестве ее нормативного или регуляторного компонента.

Материалы и методы

С позиции поставленных перед нашим исследованием задач правовая система будет анализироваться прежде всего с точки зрения ее функционального компонента, включающего в себя такие направления ее функционирования, как правотворчество, правоприменение и правосознание. Именно посредством таких форм, преломляясь в индивидуальном и общественном правосознании, получает свою объективацию отечественная система права.

Результаты

Ценность широкого подхода к понятию правовой системы заключается в том, что он предоставляет нам возможности для комплексного анализа правовой сферы жизни общества посредством раскрытия особенностей взаимодействия как различных сторон правовой действительности, так и теоретических положений юриспруденции с юридической практикой.

По мнению В. Н. Карташова, на правовую систему могут влиять различные факторы, как природные, так и социальные, относящиеся к экономике и к политике, к нравственности и религии и т.д. В каждом из конкретных случаев детерминации правовой системы воздействие соответствующих факторов различается по форме, уровню, силе, носителям и результатам. Собственно юридические факторы здесь занимают особое место в ряду дестабилизирующих общественные отношения обстоятельств, которые приводят к правовой энтропии правовой системы. Они носят как нормативный, так и ненормативный характер, включают недостатки правотворческой деятельности, ведущие к принятию необъятного множества нормативных правовых актов нестабильности законодательства в целом, недостатки в правоприменительной практике, влекущие юридический нигилизм, инфантилизм физических и должностных лиц, низкий уровень их правосознания и правовой культуры и т.д. [6, с. 5–8]

М. В. Сальников, сопоставляя правовую систему и правовую культуру общества, приходит к выводу, что «правовая система отражает состояние целостности комплекса юридических явлений, а правовая культура – ценностно-качественный аспект правовой реальности, индивидуальность той или иной правовой системы». Национальная правовая система со всеми ее достоинствами и недостатками выступает в качестве автономного и самостоятельного социального образования, что обуславливается свойствами конкретной правовой традиции.

Уникальный характер и специфику российской национальной правовой системы можно объяснить в основном теми же факторами, что и особенности правовой культуры российского общества [7, с. 181]. Правовая культура может рассматриваться в виде качественной характеристики правовой системы, а юридическая аномия, оказывающая деструктивное влияние на состояние индивидуальной и общественной правовой культуры, оказывает разрушительное воздействие и на правовую систему в целом.

Решение соответствующих теоретических и практических вопросов юриспруденции способно приблизить выявление особенностей взаимосвязи между недостатками законодательства, деформациями правосознания и правоприменения, которые проявляются в условиях влияния на правовую систему юридической аномии.

Как это отмечено Г. М. Азнагуловой, процессы активного формирования отечественной правовой системы связаны с ее наполнением новым содержанием, развитием законодательства, изменением роли и самого назначения механизмов правообразования и правореализации. Правовая идеология утратила свои прежние позиции, и ее новая роль еще не имеет четкого выражения, что повышает важность надлежащей реализации правовой политики, направленной на определение ориентиров развития и обеспечение надлежащего функционирования правовой системы общества. Проблемы, таким образом, связаны с достижением ясности как в отношении понятийно-категориальных, так и структурно-функциональных нюансов правовой системы. Без ее достижения будет невозможно сделать следующий шаг, заключающийся в установлении общих закономерностей функционирования правовой системы, выявления механизмов взаимодействия между ее структурными компонентами [8, с. 3].

Для определения особенностей проявления юридической аномии в различных компонентах правовой системы и существующих между ними взаимосвязей представляется необходимым уяснение сущности и структуры правовой системы российского общества, закономерностей и циклов ее развития в настоящее время. Также следует уяснить связи, существующие между правовой системой и правовой культурой, правовой системой и правосознанием.

Прежде всего необходимо отметить, что правовая система не является изначально присущей государственно-организованному человеческому обществу. Ее не существовало на ранних этапах его развития, когда право в качестве системы взаимосвязанных компонентов, выполняющих привычные для нас функции в обществе, еще не сформировалось. В сформированном виде она не существовала и в Средневековье, когда наблюдался своеобразный партикуляризм – наличие нескольких обособленных нормативных систем внутри одного государства.

Поэтому становление единой правовой системы неразрывным образом связано с формированием суверенных государств, а наличие у них своей уникальной правовой системы, построенной на основе особенностей национальной правовой культуры, может рассматриваться в качестве одного из признаков суверенности.

Правовая система как конкретная юридическая реальность является результатом исторической эволюции. Она выступает в качестве социального целого и как таковая не развивается изолировано от общества. При этом, однако, современная российская юриспруденция во многом унаследовала понятие права, сформировавшееся еще в советский период. Однако уже тогда

утвердилось предположение о необходимости при дифференциации права выходить за пределы чисто юридических явлений и руководствоваться особенностями соответствующих общественных отношений – предметом правового регулирования [9, с. 171–176].

По мнению А. Ю. Барсукова, с которым можно согласиться, обнаружение и теоретическое описание наиболее общих закономерностей циклического характера в эволюции правовой культуры российского общества характеризуется как теоретической, так и практической значимостью. Соответствующий процесс носит перманентный характер, его познание необходимо для более углубленного понимания правовой сферы общественной жизни в целом. К практическим целям здесь относится формирование с учетом изученных закономерностей научно обоснованной правовой политики. В качестве циклических процессов может рассматриваться подъем и упадок правовых ценностей, активизация и стагнация правовой науки, смена правового идеализма правовым нигилизмом и иные явления, наблюдающиеся в трансформации культурно-правовой сферы. Данная проблематика тесно связана и с вопросами отыскания хронологических закономерностей юридического бытия [10, с. 10]. Несмотря на наличие здесь и субъективного фактора, в целом ход развития правовой культуры носит объективный характер и как таковой может быть предметом изучения юридической науки.

Говоря о дефектах нормативно-правового регулирования, И. П. Кожкарь выделяет следующие группы:

- аксиологические, связанные с противодействием правового регулирования правовой политике государства либо несовершенством последней;
- содержательные или смысловые, связанные с наличием пробелов в законодательстве;
- юридико-технические, к числу которых относится противоречивость (антиномия) правовых норм, их неопределенность, нарушения в использовании правовых синтагм и синонимов, неоправданные полисемия и тавтология, неединообразие языковых форм выражения правовых понятий;
- дефекты нормативно-правовых связей, к числу которых относятся коллизии правовых норм, их несогласованность, дефекты построения терминологических рядов [11, с. 106–184].

В той или иной степени каждый из соответствующих дефектов может рассматриваться как проявление юридической аномии в сфере правотворческой деятельности.

Как отмечает И. Г. Напалкова, логически следуя одна из другой, структурные единицы закона должны образовывать единую непротиворечивую систему. Каждый из элементов нормативного текста развивает, конкретизирует его предыдущие элементы и служит фундаментом для выявления следующих положений. Последовательное изложение нормативных предписаний в тексте нормативного правового акта способствует правильному усвоению соответствующих норм адресатами правового регулирования,

эффективному исполнению соответствующих требований в реальной действительности [12, с. 31].

Культура законотворчества является важнейшим компонентом правовой культуры общества. Влияя на совершенство будущего законодательства, культура законотворческой деятельности тем самым влияет и на эффективность механизма правового регулирования в будущем, а через это – на общее состояние отечественной правовой системы, на ситуацию, складывающуюся в сфере законности и правопорядка, на правосознание граждан.

По мнению Д. Е. Петрова, процесс появления новых структурных образований в системе права носит непрерывный характер, однако скорость этого процесса неодинакова. Возрастание скорости социально-политических и экономических преобразований, которое наблюдается в последние годы, ведет к увеличению числа новых общностей в системе российского права, закономерность появления и механизмы возникновения которых отечественной теорией права еще до конца не раскрыты. Несмотря на упоминание в специальной литературе таких образований, как банковское, инвестиционное, миграционное, олимпийское, торговое и иных отраслей права, истинное их отнесение к тому или иному виду структурных элементов в системе права вызывает много вопросов [13, с. 366], по существу оно носит аномичный характер. Это не лучшим образом влияет на состояние как профессионального, так и доктринального с обыденным правосознания, оказывает разлагающее влияние на состояние отечественной правовой культуры.

Как пишет Р. С. Байниязов в своей докторской диссертации, именно то состояние, в котором находится современное российское общество, предполагает «повышение социальной значимости правового сознания, призванного творчески формировать и укреплять правовые начала отечественной государственности».

Двойственная природа правосознания заключается в том, что в его рамках не только происходит процесс восприятия и осознания правового мира, но и творчески создается правовая жизнь во всех ее фундаментальных качествах и характеристиках. Вне правосознания невозможны ни правовые процессы, ни правовые институты, немислимы какие бы то ни было правовые акты. Поэтому вне развития индивидуального и общественного правосознания, правовой культуры законодательство и правовая политика государства будут малоэффективными, законность и правопорядок слабыми [14, с. 3].

Отсутствие в современной России устоявшейся системы духовно-нравственных ценностей является одним из признаков укоренившегося в обществе состояния социальной аномии и влечет отсутствие в нем устойчивого правосознания. Именно нравственность и этика являются теми основами, которые большей частью определяют поведение человека в обществе. Регулируя лишь важнейшие общественные отношения, право не может и не должно содержать в себе детальную модель поведения каждого человека. Оно не в состоянии обеспечивать надлежащую модель поведения только посредством использования механизмов государственного принуждения, привлечения

виновных лиц к юридической ответственности. В приоритете должны находиться убеждение и воспитание граждан, в противном случае никакой правоохранительный орган не сможет обеспечить правопорядок в обществе в условиях всеобщности нарушений. В результате деструкции нравственных ценностей получают свое распространение объективно вредные варианты поведения человека в обществе, связанные, например, с разновидностями маргинального поведения.

Таким образом, если правосознание носит развитый характер, его воздействие на общественные отношения является положительным. В обратной ситуации существующие деформации правосознания оказывают деструктивное воздействие на общее состояние законности и правопорядка.

И. Н. Барциц считает, что поиск государственной идеи занимает значимое место среди задач преодоления неопределенностей государственного развития России. В качестве приоритета в развитии государства и общества многие граждане при опросах выбирают «справедливость», которая часто демонстрирует определенный приоритет над «правом». В настоящее время еще не сформирован в сознании тот набор правовых ценностей, которые могли бы конкурировать с ценностями общества потребления. Закрепив основы и принципы организации государственной власти, сам Основной закон также нуждается в системе мер общегосударственной и общегражданской поддержки, создание которой автором предполагается обеспечить посредством конструкции «конституционного патриотизма», понимаемого автором как достижение общественного консенсуса относительно закрепленных в конституции ценностей [15, с. 5].

Как пишет Н. М. Добрынин, в контексте решения проблем укрепления правосознания и правовой культуры необходимо сосредоточиться на повышении эффективности юридического обязывания, что требует нивелирования влияния как правового нигилизма, так и правового идеализма. В качестве ключевого фактора конституционализации отечественной правовой системы в настоящее время им выделяется усиление нравственных оснований в праве [16, с. 27].

Существующие дефекты общественного правосознания приводят к тому, что процессы правореализации в нашем государстве также далеки от стабильности и устойчивости, поскольку в их основе часто отсутствует сформированное правосознание и соответствующая ему правовая культура. Эффективная правореализационная деятельность, влекущая укрепление правопорядка и законности, требует наличия соответствующего юридического мировоззрения, специфических знаний и навыков в области права и механизмов его применения. При этом, планируя процессы правореализации, государство должно учитывать специфику отечественной правовой культуры, не допускать неоправданного заимствования западных правовых норм и ценностей, влекущих ее разрушение и состояние юридической аномии.

Так, например, многими исследователями, вероятно, движимыми лучшими побуждениями, признается, что олицетворением права в объективной

реальности является именно приговор суда, что именно из судебной деятельности право и возникает. Право здесь рассматривается не в качестве «ставшего», зафиксированного в тексте нормативного акта, а в качестве непрерывно становящегося, порождаемого повседневными отношениями между субъектами права. Опыт изучения англосаксонской юридической практики с высокой ролью судебного прецедента в формировании соответствующих правовых регуляторов заставляет таких ученых предлагать расширение полномочий судебной власти и в отношении нашего государства, что потребует, конечно, соответствующего увеличения роли и юридического сообщества в жизни страны. Соглашаясь с тем, что в достижении единства судебной практики заключается главное требование, направленное на предотвращение роста юридической аномии в области осуществления правосудия, мы вместе с тем считаем, что механическая имплементация в отечественную правовую систему юридических ценностей западной цивилизации не может рассматриваться в качестве альтернативы самобытному отечественному юридическому развитию, опирающемуся на формировавшуюся в течение столетий отечественную правовую культуру и соответствующий ей уровень национального правосознания.

Что касается приведенного примера, введение судебного прецедента в качестве источника права, не обусловленное всей историей развития отечественной юриспруденции, должно привести революционные изменения не только на уровне правореализации, но и на уровне правотворчества, повлечь кардинальную перестройку отечественной правовой культуры. Скорее всего, такая реформа не приведет к успеху и повлечет последующий откат сделанных изменений со всеми сопутствующими этому процессу социальными и экономическими потерями – как это уже произошло в 1990-е гг. в отношении многих заимствованных на Западе (в значительно меньшем объеме, чем предлагается в данном случае) юридических норм и механизмов правореализации.

Соответствующие предложения, не отвечающие ключевому настрою отечественной правовой культуры, таким образом, могут рассматриваться как в определенной степени свидетельствующие об аномичном характере правосознания у лиц, их вносящих.

В современной России в целом ощущается острый дефицит не аномичного, а развитого доктринального и профессионального правосознания, способного к созиданию эффективной законодательной доктрины и правоприменительной практики с учетом соответствующей правокультурной специфики российского общества. Это относится и к непосредственной правовой политике, которая не всегда отличается необходимой последовательностью, свидетельствующей о наличии здесь соответствующих аномичных проявлений.

М. А. Краснов полагает, что о разложении публично-властных институтов следует говорить в ситуации, когда неправовой режим государственной деятельности становится стереотипным, а паттерны недобросовестности

заражают все сферы государственной жизни, отсутствует адекватная государственная реакция на совершаемые нарушения.

Деятельность органов государства часто либо сводится к имитации основной конституционной обязанности – признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, либо вообще противоречит этой обязанности. Основная трагедия заключается здесь в разрушении конституционных идеалов, ибо начинает доминировать нигилистическое отношение к правовым регуляторам [17, с. 31]. Содержащая многочисленные дефекты правореализационная деятельность в этом случае оказывает самое негативное влияние на правосознание как общества, так и самих участвующих в ее осуществлении государственных служащих.

Обсуждение

В завершение нашего исследования следует признать, что юридическая аномия всегда присутствует в функционировании правовой системы неким незримым образом, но степень ее может как возрастать, так и снижаться. Можно прийти к выводу о наличии значительной взаимной обусловленности проявлений юридической аномии в различных компонентах правовой системы. Как свойство аномия характеризует правовую систему в целом, а не ее отдельные элементы.

Правовая (нормативная) система и правовая культура развиваются взаимосвязанно. Необходимо постоянно поддерживать взаимодействие между развитием этих явлений, в противном случае возможен рост несоответствия между правовой системой государства и правовой культурой соответствующего общества.

Проблема изучения закономерностей проявления юридической аномии в различных компонентах правовой системы самым непосредственным образом связана с проблемой нашего восприятия сущности права, признания наличия объективных закономерностей и циклов в его развитии. Юриспруденции необходимо обнаружить соответствующие закономерности в отношении конституционного и любого иного юридического реформирования, в развитии государственных институтов, в формировании правосознания человека и общества. Подход, вульгарно сводящий все эксцессы государственно-правовой жизни к недостаткам соответствующего государственного усмотрения, к несовершенству соответствующих нормативных предписаний и механизмов их реализации, критики не выдерживает. Напротив, в настоящее время процессы правотворчества и правореализации необходимо рассматривать в тесной связи с проблемами развития и укрепления правосознания, становления соответствующей правовой культуры. Модернизация законодательства и институтов государственного управления, имплементация зарубежных правовых конструкций не приведут к успеху, если они будут расходиться с наличным состоянием правовой культуры того общества, в отношении которого соответствующее регулирование осуществляется. Безусловно, что особенности функционирования правовой психологии состав-

ляющих общество индивидов в значительной степени ограничивают возможную деятельность законодателя. Попытка «усовершенствовать» государственно-правовую жизнь посредством включения в нее новых умозрительных конструкций не будет эффективной именно из-за возникновения состояния аномии в результате их внедрения, не отвечающего общему настрою правовой культуры соответствующего общества. Писанные нормативные предписания в таких условиях могут вступить в конфликт с незаписанными, но также существующими и субъективно важными ценностями, определяющими поведение индивида. При этом соответствующая проблематика имеет не только социологическую, но и в полном смысле этого слова правовую составляющую. Классически соответствующие общие закономерности государственных и правовых институтов изучает теория государства и права.

Поскольку же в качестве основной функции права рассматривается регулирование общественных отношений, то именно использование инструментария изучающей соответствующие отношения социологии (ее терминология и методология) будет являться необходимым для понимания сущности соответствующих процессов, их динамики, тенденций и закономерностей развития на фундаментальном уровне. Население государства или совокупность государственных служащих могут рассматриваться в качестве специфических социальных общностей со всеми присущими им состояниями, в частности состоянием аномии, которое приобретает юридический характер, преломляясь в отношении явлений государственной и правовой жизни. Соответствующее состояние возникает до некоторой степени самостоятельно и не всегда непосредственно зависит от решений, принимаемых на государственном уровне. Весьма часто оно детерминировано иными процессами, происходящими в человеческом обществе и психике граждан. В этом отношении аномия носит объективный характер, соответствующее состояние способно возникнуть не только в результате переживаемого обществом кризиса, но и в процессе постепенного эволюционного развития соответствующего социума, когда существующие ранее социальные нормы представляются уже недостаточными или неподходящими.

При этом, как показало наше исследование, зародившись в рамках одного из компонентов правовой системы, юридическая аномия способна проникать и в иные ее компоненты, усиливаясь в этом процессе и потенциально охватывая не только правосознание граждан, но и процессы правотворчества, правореализации и правоинтерпретации.

Напротив, если один из компонентов правовой системы не поддается возникновению состояния правовой аномии, это приведет к ослаблению этого состояния и в других ее компонентах. В качестве ключевого компонента, на который должно быть обращено деятельное внимание государства, направленное на предотвращение возникновения состояния аномии, выступает правосознание. Его укрепление выступает в качестве важнейшего сдерживающего средства, препятствующего возникновению состояния юридической аномии в российском обществе.

Заключение

По результатам проведенного исследования можно сделать ряд основных выводов. В настоящее время как у законодателя, так и у правоприменителя необходимо формировать знания, опыт и навыки, позволяющие эффективно осуществлять свою деятельность. Эффективность соответствующей деятельности в современных условиях и ее качество означают, что должностные лица не вступают в сферу юридической аномии и не усиливают это состояние своими действиями. К глубокому сожалению, в настоящее время состояние отечественного правотворчества в этом отношении является неудовлетворительным – аномия проникла даже на уровень конституционного строительства, что влечет перенос соответствующего состояния как на уровень правосознания граждан, так в последующем и на уровень непосредственного правоприменения.

Работа, направленная на предотвращение усиления юридической аномии, должна носить комплексный и системный характер, затрагивать не только правосознание, но и непосредственное правотворчество и правореализацию. Соответствующая деятельность должна рассматриваться как имеющая приоритет, поскольку от ее эффективности будет зависеть и эффективность всех прочих направлений государственной деятельности. Меры противодействия проявлениям юридической аномии должны быть дополнены мерами их профилактики, уменьшения рисков возникновения новых аномичных проявлений. Это требует новых научных исследований, касающихся в том числе и рассмотрения особенностей проявления юридической аномии в различных компонентах правовой системы и их взаимодействия.

Список литературы

1. Бороздина М. С. Юридическая аномия в институциональной трансформации современной российской государственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2009. 26 с.
2. Поляков А. В. Прощание с классикой, или как возможна коммуникативная теория права // Российский ежегодник теории права. 2009. № 1-2008. С. 9–42.
3. Клеандров М. И. Конституция Российской Федерации и системные проблемы судебной власти // Российское правосудие. 2014. № 2 (94). С. 5–18.
4. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. М. : Мир и образование, 2019. 1375 с.
5. Бачинин В. А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб. : Пресс, 2006. 1081 с.
6. Карташов В. Н. Механизм детерминации правовой системы общества // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. 2015. № 14 (14). С. 1–18.
7. Сальников М. В. Политико-правовая традиция как фактор, детерминирующий специфику национальной правовой системы // Юридическая наука: история и современность. 2013. № 9. С. 174–192.
8. Азнагулова Г. М. Понятийно-категориальный и структурно-функциональный состав правовой системы России (теоретико-методологическое исследование) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 22 с.

9. Спиридонов Л. И. Теория государства и права. М. : Проспект : Захаров, 2001. 297 с.
10. Барсуков А. Ю. Циклы правового развития как закономерная смена качественного состояния правовой культуры общества // Правовая культура. 2020. № 1 (40). С. 7–19.
11. Кожокаръ И. П. Дефекты нормативно-правового регулирования. М. : Проспект, 2019. 296 с.
12. Напалкова И. Г. Культура законотворчества как важнейший компонент правовой культуры общества // Правовая культура. 2020. № 4 (43). С. 23–35.
13. Петров Д. Е. Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права. Саратов : СГАУ, 2015. 472 с.
14. Байниязов Р. С. Правосознание и правовой менталитет в России : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. 349 с.
15. Барциц И. Н. Доктрина конституционного патриотизма: европейский вызов и российская перспектива (к 20-летию Конституции Российской Федерации) // Государство и право. 2014. № 1. С. 5–16.
16. Добрынин Н. М. Конституционные обязанности личности в России: тернистый путь конституционализации отечественной правовой системы (в продолжение дискуссии, открытой проф. Н. И. Матузовым) // Государство и право. 2016. № 10. С. 27–38.
17. Краснов М. А. Искажение смысла российской Конституции – следствие несбалансированной системы власти // Конституционное право и политика : сб. материалов Междунар. науч. конф. (г. Москва, 28–30 марта 2012 г.). М. : Юрист, 2012. С. 30–41.

References

1. Borozdina M.S. *Legal anomie in the institutional transformation of modern Russian statehood: PhD abstract*. Rostov-on-Don, 2009:26. (In Russ.)
2. Polyakov A.V. Farewell to the classics, or how a communicative theory of law is possible. *Rossiyskiy ezhegodnik teorii prava = Russian yearbook of legal theory*. 2009; (1-2008):9–42. (In Russ.)
3. Kleandrov M.I. The Constitution of the Russian Federation and systemic problems of the judiciary. *Rossiyskoe pravosudie = Russian justice*. 2014;(2):5–18. (In Russ.)
4. Ozhegov S.I. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: ok. 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazheniy = Explanatory dictionary of the Russian language: approx. 100,000 words, terms and phraseological expressions*. Moscow: Mir i obrazovanie, 2019:1375. (In Russ.)
5. Bachinin V.A. *Entsiklopediya filosofii i sotsiologii prava = Encyclopedia of philosophy and sociology of law*. Saint Petersburg: Press, 2006:1081. (In Russ.)
6. Kartashov V.N. The mechanism of determination of the legal system of society. *Aktual'nye problemy teorii i istorii pravovoy sistemy obshchestva = Current issues of theory and history of the legal system of society*. 2015;(14):1–18. (In Russ.)
7. Sal'nikov M.V. Political and legal tradition as a factor determining the specificity of the national legal system. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal science: history and modernity*. 2013;(9):174–192. (In Russ.)
8. Aznagulova G.M. *Conceptual-categorical and structural-functional composition of the legal system of Russia (theoretical and methodological study): DSc abstract*. Moscow, 2015:22. (In Russ.)

9. Spiridonov L.I. *Teoriya gosudarstva i prava = Theory of state and law*. Moscow: Prospekt: Zakharov, 2001:297. (In Russ.)
10. Barsukov A.Yu. Cycles of legal development as a natural change in the qualitative state of the legal culture of society. *Pravovaya kul'tura = Legal culture*. 2020;(1):7–19. (In Russ.)
11. Kozhokar' I.P. *Defekty normativno-pravovogo regulirovaniya = Defects in legal regulation*. Moscow: Prospekt, 2019:296. (In Russ.)
12. Napalkova I.G. The culture of lawmaking as the most important component of the legal culture of society. *Pravovaya kul'tura = Legal culture*. 2020;(4):23–35. (In Russ.)
13. Petrov D.E. *Differentsiatsiya i integratsiya strukturnykh obrazovaniy sistemy rossiyskogo prava = Differentiation and integration of structural formations of the Russian legal system*. Saratov: SGAU, 2015:472. (In Russ.)
14. Bayniyazov R.S. *Legal consciousness and legal mentality in Russia: DSc dissertation*. Saratov, 2006:349. (In Russ.)
15. Bartsits I.N. The Doctrine of Constitutional Patriotism: The European Challenge and the Russian Perspective (on the 20th anniversary of the constitution of the Russian Federation). *Gosudarstvo i pravo = State and law*. 2014;(1):5–16. (In Russ.)
16. Dobrynin N.M. Constitutional obligations of a person in Russia: a ternary way of constitutionalization of the technical legal system (in continuation of the discussion revealed by prof. N.I. Matuzov). *Gosudarstvo i pravo = State and law*. 2016;(10):27–38. (In Russ.)
17. Krasnov M.A. The distortion of the meaning of the Russian Constitution is a consequence of an unbalanced system of power. *Konstitutsionnoe pravo i politika: sb. materialov Mezhdunar. nauch. konf. (g. Moskva, 28–30 marta 2012 g.) = Constitutional Law and Politics: proceedings of the International scientific conference (Moscow, March 28–30, 2012)*. Moscow: Yurist, 2012:30–41. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Дмитрий Анатольевич Липинский
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник,
заведующий кафедрой конституционного
и административного права,
Тольяттинский государственный
университет (Россия, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14)

E-mail: dmitri8@yandex.ru

Dmitry A. Lipinskiy
Doctor of juridical sciences, professor,
chief researcher, head of the sub-department
of constitutional and administrative law,
Togliatti State University
(14 Belorusskaya street, Togliatti, Russia)

Александр Александрович Иванов
кандидат юридических наук, доцент,
старший научный сотрудник, доцент
кафедры конституционного
и административного права,
Тольяттинский государственный
университет (Россия, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14)

E-mail: ale_iv@mail.ru

Alexander A. Ivanov
Candidate of juridical sciences, associate
professor, senior staff scientist, associate
professor of the sub-department
of constitutional and administrative law,
Togliatti State University (14 Belorusskaya
street, Togliatti, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 17.10.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 16.12.2024

Принята к публикации / Accepted 16.01.2025